

Раздел III. Гражданское общество как сфера конструирования

В.Г. ФЕДОТОВА

ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА: КОНЦЕПЦИЯ ДЛЯ ОБЩЕСТВ, ВСТУПИВШИХ В ДЕМОКРАТИЮ

***Аннотация:** В статье рассмотрена история формирования и изучения гражданской политической культуры в XX в., обсуждается переход от активистски-популистских моделей к модели «баланса неравенств», представленной Г. Элмондом и С. Вербой. Поскольку факты философа — это теории, автор на основе изучения теорий гражданской культуры выдвигает приемлемую для России концепцию политической культуры.*

***Abstract:** The article traces the genealogy and the study of the civic political culture in the 20th century and analyses the transition from the activist populist models to the model of inequality balance represented by G. Almond and S. Verba. Since theories are facts for the philosophers, the author offers her own model of political culture applicable to Russia and based on a careful study of the main civic culture theories.*

***Ключевые слова:** политическая культура, гражданская культура, гражданская политическая культура, рационально-активистская модель, модель демократической стабильности, «баланс неравенств», демократия, популизм, проект.*

***Keywords:** political culture, civic culture, civic political culture, rational-active model, the model of democratic stability, inequalities balance, democracy, populism, project.*

К истории вопроса в XX веке

В одной из своих работ конца 1990-х гг. крупнейший специалист по политической культуре Г. Олмонд описывает становление проекта граж-

данской культуры. Этот термин является синонимом демократической политической культуры, культуры гражданского общества. Он возник после Первой мировой войны в 1928–1938 гг., когда американцы задумались о путях выхода Европы, пережившей эту войну, из трагического опыта. Специалисты из США, привлекая ученых других стран, стремились изучить политические проекты Франции, предотвратить русский революционный путь для Италии, рассмотреть гражданскую политическую культуру Германии, Австро-Венгрии, Великобритании, Мексики, Советского Союза. Они предложили два проекта формирования граждан: «Гражданский тренинг» и «Гражданское обучение».

Эти проекты привлекли многих солидных ученых и научную молодежь, активно применяющую психологию и статистику, т.е. тренингу и обучению, всякой практической деятельности предшествовала и сопутствовала огромная теоретическая работа. Многообразие интересов молодых людей, — показывает Олмонд, — в конечном итоге, подорвало эти проекты, хотя в результате их осуществления было написано много книг и статей *о политической культуре гражданского общества, которую стали называть гражданской культурой*. Мы употребляем так же термин *«гражданская политическая культура»*.

Та или иная политическая культура есть в любой стране, но не везде она является гражданской, т.е. способной формировать гражданское общество или быть основой такого общества, если оно уже сформировано. В США была издана серия работ, называемая «Делая граждан», ставшая частью пропагандистской машины США, направленной против морали, ведущей к войне, а так же против коммунистических идей. Распад Австро-Венгерской империи и изменение границ в Центральной Европе привели к господству этнических национализмов. В 1931 г. была издана книга о сравнительных гражданских тренингах в разных странах, в 1934 г. — книга о гражданских тренингах в США, осуществлявших компаративистское исследование политической культуры и социализации. Наряду с этим, было проведено изучение психологических аспектов политического поведения в работах, посвященных СССР, Италии, Германии, Австро-Венгрии, Великобритании, Швейцарии, осуществленное высококвалифицированными историками и политологами¹.

Как уже отмечено, исследования политической культуры в США после Первой мировой войны носили не только научный, но и практический, пропагандистский характер. Некоторые люди подозрительно относились к этим исследованиям, опасаясь стать проводникам политичес-

¹ Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations.* — Newbury Park, L., New Delhi, 1963 (Последующие издания 1965, 1989).

ких целей США, в том числе и таких, которые могут быть направлены против их стран. Так, например, согласно свидетельству Олмонда, ученый из Мексики неохотно принимал политическую сторону проекта, но считал проект полезным для социальных наук.

Возглавлявший программу Гражданских тренингов Чарльз Мерриам повлиял на немецкого социолога Роберта Михельса, написавшего работу «Железный закон олигархии» об итальянском фашизме после Второй мировой войны. С. Верба в 1970-е гг. изучал коллаборационизм с американцами в Мексике. Он обнаружил, что главной проблемой в Мексике является проблема доверия, поскольку некоторые слушатели тренингов подозревали американских ученых в связях с ЦРУ. Уже тогда поднимался вопрос об универсальности демократии, с одной стороны, и об американской политике демократии в других странах, с другой. Компаративистские исследования показывали стремление многих стран к демократии, но одновременно наличие препятствий в их политической культуре к ее развитию. Зрелость гражданской политической культуры виделась Олмондом в стабильности демократии, пример которой давали США и Великобритания в реализации этой универсальной модели. Проектная направленность изучения гражданской политической культуры делала ориентацию на развитые образцы частью признания общей перспективы демократии, подобно тому, как существовала общая перспектива технического и технологического развития. Социальные технологии могли быть однако применены с учетом политической культуры обществ, которые хотели их применить. Глубина теоретических исследований спасала от предположения, что они применимы всюду и могут быть встроены в любом месте мира или, по крайней мере, во многих местах. Г. Олмонд и С. Верба стали в 1960-е гг. критиками американской рационалистически-активистской модели демократии, которая могла распространить свои принципы и за пределы США,

Когда читаешь описания Олмондом американских исследований политической культуры различных стран с участием представителей этих стран, анализ их способности формировать гражданскую политическую культуру, поражаешься тому, что в сегодняшней России доминирует идеологическое, не основанное на научных знаниях, поверхностное понимание демократического процесса. Нельзя не согласиться с автором, пишущим, что в российском «демократическом лагере преобладало весьма примитивное представление о последовательности необходимых шагов к установлению демократии»². Американский опыт изучения политичес-

² Ворожейкина Т. Самозащита как первый шаг к солидарности // Pro et Contra. — 2008 — Март — июнь. — № 2-3 (4). — С. 14.

кой культуры гражданского общества основан на компаративистском анализе разных стран, на знании истории и психологии народов.

После Второй мировой войны типы тренингов и обучений, применяемые после Первой мировой войны, были заменены анализом гражданской культуры, ставшей одним из важных предметов социально-гуманитарных наук. Вторая мировая война имела тяжелые последствия для многих стран, новую переделку границ, и вопрос о демократической политической культуре стал еще более актуален, чем после Первой мировой войны.

В 1950 г. процессы, произошедшие после Первой и Второй мировых войн, были объединены общей проблемой формирования гражданской политической культуры и включили в себя как теоретические разработки, так и проекты ее формирования и использования в образовании. Профессор Принстонского, Стэндфордского, Гарвардского университетов С. Верба написал книгу «Малые группы и политическое поведение» (1959), профессор Принстонского, а позже Йельского и Стэндфордского университетов Г. Олмонд, желая сохранить демократическую стабильность, выдвинули гипотезу о том, что стабильные демократии имеют «смешанные политические культуры»³. Профессор из Принстона. Г. Экштейн изучил политические элиты, показав, что государственные структуры имеют власть, но несут ответственность перед гражданами за принимаемые решения. Появилась теория сбалансированных неравенств, согласно которой неравные между собой по обязательствам и требованиям структуры уравнивают друг друга. Уже в те годы Олмонд и Верба писали, что сбалансированное неравенство существует в США и Англии, но отсутствует в Германии, Италии и Мексике тех лет.

Олмонд ссылается на позицию Р. Патнэма в отношении гражданской политической культуры как попытку решения вопроса о хорошем управлении демократическим сообществом. Необходимо избегать, с одной стороны, «перегрева», общественных страстей и, с другой стороны, апатии и равнодушия, что означает объединять послушание и уважение к власти с инициативой и участием, не допуская перевеса чего-то одного.

Олмонд принимает позицию Патнэма, хотя тот использует не концепцию баланса неравенств, а теорию равновесия, сопоставимую с экономической теорией рынка, в которой продавцы и покупатели достигают приемлемой цены, делающей рынок саморазвивающейся системой. Это, с точки зрения Олмонда, близко к позже появившейся модели эффектив-

³ Almond G. The Civic Culture: Prehistory, Retrospect and Prospect // *CSD Working Papers. Center for the Study of Democracy*. — California: UC Irvine, 1996. 11–17. <http://escolarship/org/uc/item/4mm12285>.

ной демократизации С. Хантингтона – его теории «третьей волны» в понимании гражданской культуры. Достаточно скоро студенты, обучавшиеся у Олмонда, показали, что такая модель демократизации, в отличие от модели «баланса неравенств», зиждется на терпении бедных. Демократический транзит был предвосхищен в этих моделях до того, как он состоялся. Но сегодня особенно ясно, что «без создания политической системы, которая была бы проницаема для интересов и требований социальных низов, демократия всегда будет обратима»⁴, что «свободы от» (чего-нибудь) недостаточно для понимания и осуществления «свободы для» (чего-то), как говорил И. Берлин, что предоставление свободы людям, не являющимся самостоятельными хозяйствующими субъектами, не позволяет реализоваться моделям рынка в экономике и политике цивилизованным путем.

Согласно Олмонду, «теория гражданской культуры является теорией демократического равновесия, в которой демократическая стабильность балансируется демократическими процессами, т.е. градус политического конфликта не выходит за пределы заданного температурного режима»⁵. Легко видеть, как эта позиция отличается от популистского активизма и революционаризма, переносящего решение проблем из парламента на улицы в России, а в других странах доведших этот революционаризм до гражданских войн.

По мнению Олмонда, политическая культура различна в разных поколениях. У одних она содержит ретроспективу, память о прошлом, другие видят только перспективу, т.к. не знают о прошлом. По его мнению, с периода анализа гражданской политической культуры Германия изменилась и стала ее носителем, но Италия даже к 1980 г. изменилась мало. Но все-таки он считает, что тенденция состоит в том, что возникают «много-размерные пластичные политические культуры»⁶. Заметим, что этого не происходит в России. Здесь, скорее, есть некоторый набор политических культур, каждая из которых одномерна и лишена пластичности для коммуникации с другими.

Гражданской политической культуре препятствуют, по мнению Олмонда, опирающемуся на выводы политической науки, следующие факторы:

– появление популистского участия и самововлеченность, ломающие «баланс неравенств». С 1971 г. этот принцип, введенный Р. Ингельгартом, является базовым принципом защиты гражданского общества;

⁴ Ворожейкина Т. Указ. соч. – С. 16.

⁵ Almond G. *The Civic Culture: Prehistory, Retrospect and Prospect*.

⁶ Ibid.

– появление новых движений и спонтанных действий, не обусловленных существующими конвенциями. Это показали С. Барнс и Р. Далтон в 1993 г.;

– региональные различия в странах;

– отрицание ценности политической теории;

– падение доверия и социальных обязательств, эрозия социального капитала, подчеркнутые Р. Патнэмом.;

– нарушение ключевых элементов гражданской культуры, в частности ослабление семьи, доминирование СМИ и электронного мира, проблемы образования, закат партнерства, неспособность к объединению; фрагментация и поляризация; электронный популизм, передача легитимации властным структурам и ее отсутствие в обществе.

Гражданская политическая культура как культура умеренности и компетентности элит

В 1963 г. была опубликована книга Габриеля Олмонда и Сиднея Вербы «Гражданская культура. Политические отношения и демократия в пяти нациях», ставшая классической. Книга перевернула представления американцев о себе самих и о сущности демократии и гражданского общества. Она была направлена против господствующей в США рационалистически-активистской модели, требующей от всех граждан США политического участия. Достаточно сказать, что при отсутствии апатии в США, имеется немало книг об апатии. При частой апатии в России, нет книг об этом явлении. В монографии «Хорошее общество» я обратилась к исследованию анархии и апатии, столь неприятных крайностей, препятствующих формированию гражданского общества⁷. К пяти исследованных Олмондом и Вербой государств после Второй мировой войны относятся Италия, в которой существует тогда отчужденная политическая культура; Мексика с присущими и ей отчуждением; Германия с характерными для нее политической разделенностью и компетенцией подданных; Великобритания с дифференцированной гражданской культурой; США, обладающие политической культурой участия. Образ политической культуры приближается к тому, что называют иначе гражданской культурой. До указанной работы этих авторов в США, как уже отмечено, бытовала абсолютизация политического участия, активности всего общества. Хотя давно было понятно, что США – это коммерческая республика, политически защищающая свои интересы, доминировала рационально-активистская модель, вовлекающая население в

⁷ Федотова В.Г. Хорошее общество. – М., 2005.

политику. Олмонд и Верба высказали сомнения в реальной осуществимости такой модели и ее осуществленности в США.

В противоположность идеям активизма всех граждан в гражданском обществе, Олмонд и Верба пишут: «Гражданская культура является смешанной политической культурой. В ней многие индивиды активны в политике, но есть такие, кто играет в ней пассивную роль подданных. Более важно, что даже среди граждан, имеющих активную политическую роль, качества подданных и прихожан не вытеснены. Роль участника добавляется к подданнической и приходской культурам. Это значит, что активный гражданин сохраняет свои традиционалистские, неполитические связи, так же как и свою более политическую роль подданного»⁸. То есть гражданская политическая культура включает активных граждан, а подданническая и приходская ориентация граждан может модифицироваться в политическую активность, а может оставаться в сфере неполитических интересов. Политическая деятельность гражданина, по мнению Олмонда и Вербы, представляет собой лишь часть его интересов, причем не самую важную их часть.

В подданнической культуре отношение к политической культуре в целом является пассивным. В приходской культуре нет конкретизации политических ролей и нет конкретизации политической ориентации. Культура участия четко ориентирует граждан на политическую систему в целом. Гражданин формируется из всех трех форм — участника, подданного и прихожанина, а гражданская культура выступает как их результирующая. Это сильно отличается от попыток разделить людей, столкнуть их между собой. Невозможно дилетантской в научном смысле и политически агрессивной в практическом смысле является примитивная схема разделения российских граждан на передовых и отсталых, либеральных и консервативных. Эти упрощения политической практики доходят порой до того, что хорошо бы оставить Россию без ее народа для осуществления намерений тех, кто является «передовым».

Олмонд и Верба обращаются к традиционной критике демократами, придерживающимися рационально-активистского похода, слабого политического участия граждан и попыткам его активизировать. В наших условиях — даже антагонизировать. Политическая деятельность — не единственный тип рациональной деятельности. Поэтому «в свете неполитических интересов индивида для него может быть совершенно нерациональным вкладывать то время и те усилия, которые необходимы, чтобы жить в соответствии с рационально-активистской моделью»⁹. *Гражданс-*

⁸ Almond G., Verba S. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. — P. 339.

⁹ Ibid. — P. 340.

кое общество — это не организация людей, реализующих теоретический или политический план, а общество обычных людей, которым удается реализовать свои нужды и быть услышанными.

Авторы отмечают разрыв между обязательностью участия в политической жизни и реальным участием. Проводя социологические опросы, Олмонд и Верба убеждались, что количество людей, которое хотело бы участвовать даже в делах общины, значительно больше тех, кто участвует. Они заключают, что сравнительная редкость политического участия, неважность такого участия для индивидов, занятых обычными делами, позволяет элите проводить свои решения, но активность других граждан может оказать влияние. Граждане имеют резерв политической активности, могут усилить свое участие в политической жизни. Но поскольку политика относительно неважна для граждан, занятых повседневной жизнью, и приобретает важность, касаясь их интересов, данное обстоятельство составляет важнейшую часть механизма баланса неравенств, сдерживания системы противоречивых политических позиций эффективными политическими элитами. Это опять же противоречит позициям наших политических элит, ищущих не умеренности, а конфронтации.

Иными словами, *политические элиты США ограничивают себя ради сохранения своей эффективности, препятствуя провокации оживления противоречивых позиций в обществе.* Но наши элиты не сдерживают и раскол, а между тем «баланс между активностью и пассивностью может поддерживаться только в том случае, если политические вопросы не стоят слишком остро»¹⁰. Значительная часть влияний общества на принимающие решение элиты, согласно Олмонду и Вербе, не связана с вовлечением граждан в политику. Элиты могут предвидеть требования и недовольства, могут видеть неадекватность прежде принятых решений.

Критике указанных авторов подвергаются мифы о компетентности граждан, о значимости их эмоционального подъема. «Во-первых, сильная эмоциональная включенность в политику ставит под угрозу баланс между активностью и пассивностью, ибо сохранение этого баланса связано с невысокой значимостью политики. Во-вторых, политическая включенность такого плана ведет “к росту политических ставок”, создавая благоприятную почву мессианским массовым движениям, подрывающим стабильность демократий»¹¹. И далее: «Все вышеизложенное подводит нас к пониманию того, что в демократической системе должен поддерживаться еще один баланс — между согласием и разногласием... В обществе, говоря словами Т.

¹⁰ Ibid. — P. 349.

¹¹ Ibid. — P. 355.

Парсонса, должна быть “ограниченная поляризация”. Если нет согласия, мало шансов на разрешение политических споров, ассоциирующихся с демократическим процессом»¹². Согласно Олмонду и Вербе, «гражданская культура – это политическая культура умеренности. Она предполагает знакомство с вопросами со стороны обычного человека...»¹³.

Итак, эта умеренность достигается балансом между пассивностью и активностью, компетентностью и доверием, между эмоциональностью и прагматизмом, между согласием и разногласием, между спокойным и продолжительным формированием гражданской культуры и ее торопливым внедрением. Подобной озабоченности строительством демократической культуры мы не видим со стороны отечественных элит. Книга Олмонда и Вербы полезна сегодня как старым, так и новым демократиям, одни из которых пережили кризисные процессы, а другие находятся в стадии ее становления. Их цель – предотвратить возможные восстания масс, лишаящих общество рациональности как целей, так и средств. Постепенность, умеренность, компромисс – азбука деятельности элит формирующихся гражданских обществ. *Подобной озабоченности строительством демократической культуры мы не видим со стороны отечественных элит*¹⁴.

Приведем касающуюся нас прямо мысль Олмонда и Вербы: «Постепенный рост гражданской культуры путем слияния (разных культур. – В.Ф.) обычно происходит в условиях, когда решение проблем, стоящих перед политической системой, растянуто во времени... Проблема, с которой сталкиваются новые страны, заключается в том, что для них такая постепенность невозможна... Эти страны стремятся завершить за короткий промежуток времени то, что на Западе создавалось в течение столетий... Если из нашего исследования что-то и следует, то это то, что нет простой формулы развития политической культуры. Тем не менее, нами было сделано несколько выводов, которые имеют отношение к рассматриваемой сейчас проблеме»¹⁵.

Гражданское общество в России не может возникнуть без участия власти. А власть устремится к нему тогда, когда захочет разделить с обществом ответственность за происходящее. Так, Общественная палата возникла после Беслана, но многие ее члены рассматривают пребывание там как трамплин для прыжка во власть. Есть ответственные журналисты, есть люди, способные на полезные инициативы, ученые, готовые предложить

¹² Ibid. – P. 358.

¹³ Ibid. – P. 368.

¹⁴ Федотова В.Г. Конец догоняющей модели модернизации и поиски новых путей развития // Экономические стратегии. – 2012. – № 5. – С. 14-21.

проекты. Но они не входят в элиту. И многое решается, когда кто-то отважился поставить вопрос, указать на факт. Это — элементы гражданского общества. В особенности это относится к творческой элите, чьей целью является производство смыслов.

Проект гражданской культуры и гражданского общества

Читатель вправе поставить вопрос о том, а где же, собственно, проект, особенно, если он отождествляет проект с его последней «социально-инженерной» фазой, предполагающей определенную совокупность действий для достижения цели. Сегодня это модное слово понимается во множестве значений.

Г. Олмонд и С. Верба показали, что первоначально идеи гражданской политической культуры выступили после Первой мировой войны и даже в 1930-е гг. не только в теоретических и эмпирических исследованиях, но прежде всего именно в узко-проектной форме. Часто предлагаемые проекты в то время были недостаточно фундированы демонстрациями идей и их разработкой, философскими и социологическими теориями, вошедшими в их основание, не были убедительно обоснованы меморандумами о целях, а так же выделением этапов реализации, места применения и мониторингом последствий. «Гражданский тренинг» и «Гражданское обучение», описанные выше, и были такими проектами гражданской культуры после Первой мировой войны. Они включали также публикации книг и статей по вопросам гражданской культуры.

Нестабильность Третьей республики во Франции, Октябрьская революция в России и переход страны к новой социальной системе, позже произошедший поворот Германии и Италии к фашизму, потребовали, по мнению Олмонда и Вербы, комплексных теорий взаимодействия политической культуры и демократической стабильности. Указанные проекты 1920—30-х гг. приближали к поиску таких теорий, особенно важных в связи со Второй мировой войной и послевоенного мира, хотя они еще не коснулись глубоких философских оснований проблемы. Подобные проекты и сейчас есть в Европе, например, семинары-тренинги в рамках НАТО офицеров мусульманских стран, в которых их учат понимать, что религии призваны сближать народы, а не толкать их к вражде. Тренинги по проблемам демократии, гражданского общества осуществлялись для студентов и слушателей из посткоммунистических стран в университете во Франкфурте-на-Одере в Германии, в Центральном европейском университете в Будапеште и во многих других местах.

Однако, думается, что о концепции Олмонда и Вербы в них не было речи внешне из-за давности публикации их совместной книги, а на деле в

связи с тем, что произошло повсеместное возвращение на противоположные позиции — к рационалистически-активистской модели гражданского общества, суть которой изложена в первой статье. *Рациональный субъект, положенный в ее основу, мало соответствовал массовым обществам, которые были объектами построения демократии у Олмонда и Вербы.* Рационально-активистская модель применялась на Западе в большей мере на стадии зрелости и стабильности сложившейся там демократии, но казалась хорошим продуктом «на экспорт» для стран, порывающих с коммунизмом.

В Россию 1990-х рационалистически-активистский проект политических преобразований, думается, попал не вследствие экспорта, а ввиду ориентации российских «реформаторов», а точнее революционеров на отрицание социализма в наиболее радикальной форме. Казалось, что успех определен степенью решительности и скорости разрыва с социализмом. Вариант рационалистически-активистского демократического проекта 1990-х в России состоял в том, чтобы элита, представившая себя как демократическая, придя к власти, политически внедрила неолиберализм, модернизм, свободный рынок и осуществила смену идеологии, несмотря на отсутствия собственника, который мог бы следовать неолиберализму.

Сегодня, когда собственник уже появился, сторонники *популистски-активистского проекта*, в который модифицирован в России западный *рационалистически-активистский проект*, не находят новых аргументов и путей для формирования гражданского общества, становясь все более популистскими и все более сводящими гражданскую культуру к протесту против власти, причем по сути — против любой власти, часто в собственном стремлении именно к ней.

Но Олмонд и Верба иначе понимают задачи, участвуя в конкуренции теорий и проектов гражданской культуры. На практику тренингов и обучений они ответили новыми идеями, изучением демократии в пяти странах — в США, Великобритании, Италии, Германии и Мексике — эмпирическими социологическими исследованиями в них, а затем — теоретической социологической концепцией, оппозиционной к существующей рационалистически-активистской теории и следующей из нее практики утверждения демократии как в США, так и позже в новых недемократических странах, без которых все амбиции проектирования гражданского общества были бы несостоятельными. Они не сказали о своей концепции как проекте или как основе новой социальной технологии, побуждая автора данной статьи сделать это. *Но это было для них изобретением нового понимания и новых способов построения демократии и демократической культуры на основе признания смешанных политических культур, заботы о стабильности демократий и балансе неравенств.*

Чтобы рассуждать о проекте, надо вспомнить: *во-первых*, что слово «проект» попало в философско-социологическую литературу (по проблемам модернизации, т.к. инновационная и проектная деятельность в социальной сфере началась только в эпоху модерна) преимущественно с 1980 г., а явно проектная концепция Олмонда и Вербы была опубликована в 1963 г., и они еще не оказались под влиянием термина «проект». Он был приведен в речи Ю. Хабермаса во Франкфурте-на-Майне при вручении ему премии Т. Адорно. Его речь, многократно перепечатанная впоследствии по всему миру, называлась «Модерн – незавершенный проект».

Приведу слова Хабермаса, сказанные по поводу проекта: «Проект модерна, сформулированный в XVIII в. философами Просвещения, состоит ведь в том, чтобы неуклонно развивать объективирующие науки, универсалистские основы морали и права и автономное искусство с сохранением их *своевольной природы* (курсив мой. – В.Ф.), но одновременно и в том, чтобы высвободить накопившиеся таким образом когнитивные потенциалы из их высших эзотерических форм и использовать их для практики, т.е. для разумной организации жизненных условий...»¹⁶. Ясно, что в этом контексте слово «проект» означает не более чем теории, способные быть примененными на практике.

Во-вторых, слово «проект», любимое нашей философской молодежью, в большей мере отбрасывает вторую сторону – «своевольную природу» исторического процесса. В докладе молодого талантливого ученого М. Ремизова «Консерватизм и современность», сделанном на Семинаре «Интеллектуальные основы государственного управления» 23 апреля 2010 г. слово «проект» употребляется в более жестком смысле и не вполне уместно, если принять во внимание огромную российскую и зарубежную литературу, вполне имеющую сложившийся консенсус относительно современности, которая Ремизову представляется проектом. Ремизов, будучи консерватором, говорит о современности в столь же неясных, неизученных им терминах, в которых другие говорят о консерватизме. По его мнению, «современное общество обречено на *проектный* способ существования»¹⁷.

Правда, далее говорится нечто, более похожее на утверждение Хабермаса: «Современность – не проект, но арена столкновения различных проектов или, точнее, программ, стратегий (не всем им присущи свойства конструктивной связности, предполагаемые понятием «проект») от-

¹⁵ Ibid. – P. 369-370.

¹⁶ Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 45.

¹⁷ Ремизов М. Консерватизм и современность // Семинар «Интеллектуальные основы государственного управления». 23.04.2010.

вета на общий исходный вызов — распад социальной космологии “традиционного общества”».

Я не согласна с двумя пассажирами доклада Ремизова: «Проект Просвещения как проект реконструкции общества на рациональных основах, в целом, потерпел неудачу. Таково преобладающее мнение, разделяемое как его сторонниками, так и противниками. Из крупных современных идеологов Просвещения с наибольшим оптимизмом держится Юрген Хабермас, но и он считает проект “незавершенным”, т.е. не достигшим цели и связывает свои надежды с утверждением “дискурсивной этики”». Изъян старой версии модерна как проекта состоял в том, что «его предпосылки, исходные постулаты уже содержат в себе желательный для идеолога результат: она (старая версия. — *В.Ф.*) вынуждена постулировать на “входе” примерно тоже, что она хочет получить “на выходе”: свободно и добросовестно рассуждающих субъектов, мыслящих в общей системе координат и ориентированных на консенсус». В некоторых отношениях это характерно для любой идеологии, в том числе для консерватизма.

Напомним о видимо недостаточно известных Ремизову линиях анализа современности Ш. Айзенштадта, Дж. Александера, З. Баумана, У. Бека, П. Вагнера, Э. Гидденса, С. Лэша и многих—многих других. *Во-первых*, модерн не тождественен Просвещению, а назвать Просвещение ложным учением модерна, это стать ситуационным консерватором, как это определял С. Хантингтон, а не тем полномочным представителем ответа на вызов, произведенный распадом космического социального универсума, который присущ и либерализму, и консерватизму, и модернизму. Тогда Просвещение — это только утрата, модерн — это только утрата, и консерватизм становится охранительностью или просто традиционализмом.

В-третьих, модерн оказался действительно незавершенным, но *процессом, скорее, чем проектом, по логике которого сегодня развивается весь мир.*

Я и мои соавторы рассмотрели историю капитализма и современности, не согласившись с утверждениями об отсутствии ясности в отношении сущности современности (modernity) и наличия достигнутого консенсуса относительно ее «проектности», опираясь на исследования в области теории модернизации и анализ ее историй в разных странах, сформулировали суть эпохи современности как переход от господства традиций к господству инноваций с вытекающими отсюда коренными переменами в большинстве сфер жизни¹⁸. Мы разделили, продолжив работу мно-

¹⁸ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. — М., 2008.

гих исследователей, современную эпоху на этапы — *первую современность, вторую и третью.*

Первая современность — это *либеральная современность XIX в.* Она складывалась с начала Нового времени как *органически-инновационный процесс*, вызванный Ренессансом, Реформацией и Просвещением, в результате чего появился новый рациональный, автономный и ответственный человека, рынки, формирование наций, капитализм. *Органически-инновационный характер становления первой современности вообще не позволяет говорить о ней как о проекте. Запад никого не догонял, не опирался на предзаданные схемы развития.* Разумеется, цели ставились, отдельные аспекты обрастали проектными или квазипроектными заявлениями, например, слова Дж. Мадзини «Мы создали Италию, теперь будем создавать итальянцев» звучат почти проектно. На Западе этот *органический, естественноисторический* процесс был инновационным и связан с выделением экономики как первой системы целерационального действия, с формированием «модульного человека» (Э. Геллнер)¹⁹.

Проектная деятельность появилась у стран, которые пытались в ходе модернизации догнать Запад, но их историческая культура, сама история переделывала их проекты, внося в них значительную долю естественноисторического фактора. Гигантские эпохальные инновации никак не похожи на некие изобретенные кем-то нововведения, т.е. на проекты. Незападные страны — Россия, Турция, Мексика встали на путь догоняющей модернизации, беря за образец Запад. Здесь усилилась проектная составляющая, определившая характер и выработку планов реформирования этих стран и закончившаяся в России отказом от реформирования и революционным сломом феодальной и буржуазной систем, а затем и системы социалистической, чтобы вновь вернуться к буржуазной.

Вторая современность, начавшаяся после Первой мировой войны была, в отличие от *первой либеральной современности XIX — начала XX вв., организованной современностью*, где уже были конкретные проекты — социал-демократии, например, но одновременно естественноисторические процессы развития техники и роста влияния технократических элит²⁰.

Третья современность, начавшаяся с конца 1990-х, — мы называем ее Новым временем для западных стран — оказалась менее всего обязанной проекту. Реформирование в России 1990-х было заменено, как отмечено выше, революционным сломом системы социализма (коммунизма), а подъем стран Азии и других западных стран, в частности, Китая, Ин-

¹⁹ Там же. — С. 135-227.

²⁰ Там же. — С. 228-276.

дии, Бразилии, Индонезии был определен возобновлением характерных для них традиций торговли, определялся дешевизной их рабочей силы, имевшей преимущества при новом международном разделении труда, ориентацией на глобальный рынок, удержанием национальной и цивилизационной идентичности в эпоху перемен и прагматическим восприятием мировой ситуации²¹.

Сегодня речь идет в России о модернизационных проектах в сфере развития технологий, политической системы, гражданского общества, науки, образования. Пока это — еще только стремление к подобному проектированию.

В этих условиях доклад Ремизова актуален теоретическим и идеологическим самосознанием консерваторов, у которых, увы, нет партии, но есть все для того, чтобы предложить консерваторам всех мастей переопределить свои позиции в перспективном направлении, есть теоретические ресурсы для консервативной партии. Справедливо обнаружив специфику консерватизма как реакции на современность, на вызов распада «социальной космологии», автор доклада действительно показал, что именно консерватизм наиболее остро ощущает свою связь с «уходящим миром» (собственно, он вырастает из ощущения этой связи) и наиболее остро ощущает угрозу, связанную с разрушением традиционных (а я бы сказала — прежних) оснований общественного порядка.

Об этом приходится говорить, так как Олмонд и Верба по отношению к рационалистически-активистской модели гражданской культуры выступают как консерваторы, не отрицая «отсталых», по мнению своих оппонентов, политических культур. И вместе с тем в этой консервативной форме они утверждают проект демократической политической культуры и гражданского общества, т.е. цель, которую всецело приписывают либералам, если понимать под проектом не схему и программу деятельности, а то, что под ним действительно понимает Ю. Хабермас: «...современные науки производят знание, по своей форме (а не по субъективному устремлению) являющиеся технически применимым знанием, хотя в целом возможности технического применения этого знания проявляются лишь задним числом» (курсив мой. — В.Ф.)²². *И хотя словом «проект», имеющим субъективные устремления, мы сегодня «трубим перед собой», не предлагая проектов, на деле концепция Олмонда и Вербы есть то, что «задним числом» проявляется как проект. Они сами не видели в своей концепции проект, и тем более полноценный, чем более они находили для него философские предпосылки, но они его сделали.*

²¹ Там же. — С. 267-367.

²² Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». — М., 2007. — С. 79.

Философские основания проекта гражданской культуры

Олмонда и Вебера

Двадцать лет спустя после выхода монографии Г. Олмонда и С. Вербы «Гражданская культура. Политические отношения и демократия в пяти нациях», как было уже отмечено, была опубликована книга статей их противников — как эмпирических социологов, так и теоретиков рационалистически-активистской концепции демократии под их собственной редакцией. Трудно найти другой пример того, что знаменитые авторы публикуют своих противников и обсуждают их критику. Первая статья Олмонда и заключительная статья Вербы в этой книге явились прецедентами абсолютной научной честности и способности к верификации своей концепции во времени²³. В первой главе Г. Олмонда «Интеллектуальная история концепта гражданской культуры» рассматриваются философские теории политической культуры, раскрывается место философии в публичном пространстве как источника, питающего политические идеи и концепции гражданской культуры современности²⁴.

Аристотель представляется Олмонду более современным, чем Платон, так как он утверждает не только важность вариаций политической культуры, с одной стороны, но и вариаций политических структур, с другой. *Смешанное правительство* у него организовано одновременно на олигархических и демократических принципах, следовательно, дает некоторую репрезентацию в управлении богатым и родившимся в благополучии, также как бедным и находящимся на дне. Аристотель аргументирует, что наилучшей достижимой формой для правительства является *смешанная форма общества*, в которой доминирует средний класс. Он должен доминировать и в производстве, чтобы обеспечить преобладание свободных людей, а не рабов. *Аристотелевская концепция смешанного правительства при доминировании среднего класса* характеризуется Олмондом как *гражданская культура*, в которой имеется сущностный консенсус относительно легитимации политических институтов, направления и содержания публичной политики, толерантности к множеству интересов и верований для их примирения и широко распространенному чувству политической компетенции и взаимному уважению граждан²⁵.

Олмонд рассматривает идеи *смешанных обществ* у Ш. Монтескье на его примере — римской истории, демонстрирующей политическую генерализацию, атрибуты триумфа в республиканском Риме, основанные на

²³ *The Civic Culture Revisited* / Ed. by G.A. Almond, S. Verba. — N.-Y., L., New Delhi, 1980.

²⁴ См.: Almond G.A. The Intellectual History of the Civic Culture Concept // *The Civic Culture Revisited*. Ed. by G.A. Almond, S. Verba. — N. Y., L., New Delhi, 1980. — P. 1-56.

²⁵ *Ibid.* — P. 3-4.

патриотическом чувстве граждан, воспитанном с помощью их религии, в связи с постоянными военными захватами и на основе антагонизма между патрициями и плебеями. Коррупция в поздней республике и империи описывается им как следствие появления в Риме культурной гетерогенности, разделяющей итальянцев и не итальянцев, подавляющей достоинства республики войнами, испорченностью коммерции на удаленных территориях. В «Персидских письмах», в «Духе законов» Олмонд так же находит примеры *смешанных культур*²⁶.

Ж.-Ж. Руссо, как пишет Олмонд, показывает значимость политической культуры и социализации в разделении публичной политики и законодательства. Руссо позиционировал политическую культуру как моральную, основанную на обычае и мнении. Внимание Олмонда привлекает А. Токвиль, который рассматривает американскую политическую культуру в связи с обычаями, анализируя американскую демократию и источники Французской революции с точки зрения нравов.

Далее Олмонд продолжает свою главу описанием Просвещения и либеральных взглядов. Он показывает, что политические идеи XX в. возникли из идей Просвещения, следуя интеллектуальному вызову, теоретическому развитию и методологическим инновациям. Теории, возникшие в XVII–XIX вв. сосредоточены на взаимодействии процессов социализации и формирования политической культуры. По мере роста богатства наций, социальной политики, происходит рационализация государственного управления, формирование законов и демократизации. Как в натуралистическом варианте Дж. Локка – М. Кондорсе признавался естественный закон, естественное право, так и в утилитаристском подходе К.А. Гельвеция – И. Бентама политические теории Просвещения признавали неотчуждаемую природу человека, выводя из нее политические институты и представления. Человек воспринимался как гедонистический, стремящийся избежать боли, искатель удовольствий, творец, передатчик и потребитель знания. Ко второй половине XIX в. эти представления, стимулируемые индустриальной революцией, усиленные успехом политических и социальных реформ в Британии и в Америке и подкрепленные развитием эволюционных идей в биологии, стали казаться самоочевидными. Это была либеральная вера в прогресс политики на основе прогресса науки и разума, – считает Олмонд²⁷.

Олмонд ссылается на мнение В. Вильсона, который написал еще в 1893 г. и подтвердил свое мнение в книге 1921 г. «Современные демокра-

²⁶ Ibid. – P. 5.

²⁷ Ibid. – P. 7-8.

тии», что происходит ослабление роли аристократии и начинает прева-лироваться демократический процесс. Причиной этого Вильсон считает распространение образования и его доведение до населения. Демократи-ческие институты разрушили все чистые формы монархии или аристокра-тии, внедряя в эти формы мнение людей и репрезентацию власти. Пре-жние институты устремились к тому, чтобы редуцировать политику к при-емлемой для населения форме, которой им представлялась демократия.

Уверенность в неизбежности прогресса и демократии во времена Виль-сона была поколеблена ставшей популярной в Америке марксистской вер-сией ожиданий от Просвещения и другими течениями. Маркс мыслил в традиции Просвещения, поскольку он видел исторический процесс как диалектический, не сводил его к последовательной взаимосвязи материаль-ного и морально-политического изменения, а считал, что материальный прогресс производит три политические субкультуры: политическую куль-туру господствующего класса буржуазия, политическую культуру принуж-даемого и эксплуатируемого пролетариата и просвещенную политическую культуру идеологов, иными словами — смешанную культуру с точки зрения Олмонда, не предполагающего разжигания антагонизмов между ними²⁸.

Теоретики элитистского подхода Г. Моска, В. Парето и Р. Михельс, отмечает Олмонд, не соглашались ни с либеральной, ни с марксистской версией прогресса, полагаясь исключительно на роль и влияние элит. Их пессимизм в отношении рациональности масс нашел отражение в рабо-тах британских и американских политических теоретиков. Г. Уаллес даже до Первой Мировой войны поставил под вопрос представление об усили-вающейся рациональности и демократизации, а в 1920-е гг. показал, что мнение, будто люди автоматически руководствуются рожденным в их умах Просвещением собственным интересам, неверно.

Продолжающиеся войны, в которых мало рациональности и интере-сов каждого человека, подтверждают его мысль. У. Липпман противопос-тавил представлению об увеличивающейся массовой рациональности когнитивную политическую психологию, в которой объяснил, что между видением реальности людьми и тем, что на самом деле происходит, есть расхождения. Его вывод состоит в том, что народное правление может стать реально хорошим только тогда, когда профессиональные специа-листы в области политических наук смогут консультировать практиче-ские элиты и заинтересованную публику по вопросам природы полити-ческой реальности и политических интересов людей²⁹.

²⁸ Ibid. — P. 8.

²⁹ Ibid.

Олмонд отмечает, что те, кто писал о вопросах демократии после В. Вильсона, уже не были так уверены, что демократия есть универсальный выбор. В идеях Вильсона о победе демократии как перспективе будущего сомневались многие ученые. Одни из них были напуганы большевистской революцией, затем появлением фашизма в Германии, поколебавшим либеральные ожидания, подтверждали нереализованность Просвещения даже во Франции, где были и клерикальный феодализм, и нестабильность кабинетов, в Англии, где сохранялся аристократизм, и в США, где ограничивалось просвещение афроамериканцев. Исторические силы рассматривались ими как более комплексные и амбивалентные в сравнении с новыми идеями демократии³⁰. Некоторые верили, что, в конечном счете, победа демократии возможна в мире в целом.

По этому поводу Олмонд замечает: «Это не значит, что ранее поколение исследователей сравнительной политики, таких, как Вильсон... не знали о различиях политических наклонностей народов и групп. Наоборот, их задачей была экспликация различий в концентрации и распределении власти среди наций, в избирательных и партийных системах, законодательных организациях и процедурах, бюрократических устройствах, судебных структурах и процессах, но те отличия, которые они обнаружили, могут быть упорядочены по степени их приближения или отдаления от “политических форм, возникших в эпоху Просвещения“ — всеобщего избирательного права, репрезентативного правления, политических решений посредством национальных делиберативных процессов, рационального и эффективного внедрения закона и защите прав от произвола»³¹.

Эти отличия Олмонд объясняет неодинаковостью исторических путей, спецификой национальных характеров, формировавшихся окружающей средой и историей. В. Вильсон говорит о «маркерах нации», У. Монро — о «расовом гении британцев», А. Зигфрид и С. Де Модерьяга обсуждают национальный характер англичан, французов, американцев и испанцев. Преодолеть эти различия они предполагали потенциально возможным с помощью образования и распространения знания, ведущих к принятию норм Просвещения человечеством. Отклонение от идеальной модели демократии считались остатками прошлого или патологиями. И хотя ожидаемая конвергенция политических культур в направлении формирования общих политических норм Просвещения, на которую надеялись, никогда не наступит, политическая структура отдельных стран мало изучалась в сравнении с изучением демократии как общего принципа.

³⁰ Ibid. — P. 9.

³¹ Ibid. — P. 10.

Реакция Олмонда и Вербы на критику и перспективы их концепции гражданской политической культуры для России

В итоге дискуссии с оппонентами Олмонд возвращается к модели гражданской культуры, которую они вместе с Вербой изложили в первой своей книге.

Гражданская культура, по мнению Олмонда вобрала в себя традиции, заимствованные ею из Просвещения, либеральных идей, европейской социологии О. Конта, Э. Дюркгейма, М. Вебера, В. Парето, Т. Парсонса, социальной психологии У. Липпмана, Дж. Дьюи, У. Торндайка, П. Лазерсфельда и др., психоантропологии З. Фрейда, Б. Малиновского, М. Мид, Р. Бенедикт, А. Анкельса и др. «От Просвещения и либеральной политической теории она (гражданская культура. — В.Ф.) взяла «рационально-активистскую модель» демократического гражданства, модель успешной демократии, которая требовала, чтобы все граждане были вовлечены в политику и активны в ней, и чтобы их участие было информированным, аналитическим и рациональным ... эта модель является одной из, но не единственной. В действительности сама по себе эта модель гражданства как рационального участия не может логически поддержать стабильное демократическое правление. Только когда она комбинируется в некотором смысле со своими противоположностями в виде пассивности, доверия и уважения к власти и компетенции, возможна жизнеспособная и стабильная демократия (курсив наш. — В.Ф.)»³².

С. Верба в той же книге отмечает, что к политической активности стоит привлекать более образованных людей, а значит, подчеркивает значение качеств элиты в массовом обществе при формировании гражданской политической культуры и гражданского общества³³. *Это сказано в контексте защиты политики, направленной на изучение и построение гражданского общества в странах, где стоит вопрос о перспективах выживания демократии, а не в контексте взглядов на сегодняшнее функционирование западных демократий.*

Применение этой теории меняет представление об элитах. В. Парето указал в начале XX в., что есть два типа военных элит — «лисы», применяющие ум и хитрость, и «львы», склонные к насилию. Среди экономических элит он выделяет рантье и спекулянтов. В идеологически-религиозной сфере — священников и скептиков. Р. Арон находит в 1950-х гг. три типа элит: сплоченные (монолитная структура с высоким уровнем централизации, примером которой была для него советская элита), дисцип-

³² Ibid. — P. 16.

³³ Verba S. On Revisiting the Civic Culture. A Personal Po script // *The Civic Culture Revisited*. — P. 408.

линированные (олицетворяющие доминирование одной группы в управленческом слое, примером чего является нацистская Германия), разделенные (утверждающие плюралистическое соревновательное взаимодействие между различными элитными группами, примером чего являются западные демократии).

В 1985 г. была выдвинута новая типология элит Г. Филдом и Дж. Хигли, выделившим четыре типа элит: идеологически сплоченные (высокий уровень интеграции и проведение в жизнь ценностей одной идеологии, это – коммунистические режимы и нацистская Германия); разобщенные (минимально структурированные и жестко конкурирующие элитные группы, это – элиты большинства развивающихся стран); частично сплоченные (имеют наиболее влиятельные фракции в элитной группе, внутри которой устанавливаются нормы элиты первого типа, это элиты послевоенных Италии и Японии, Франции 1960–70-х гг.); согласованно сплоченные (имеющие внутреннюю интеграцию и процедурное согласие между всеми элитными группами, демонстрирующими идеологические и политические различия, это большинство элит европейских стран конца XX в.).

Сказанное позволяет сделать некоторые выводы о путях формирования российской элиты, способной соединить моральные и профессиональные качества и участвовать в формировании гражданского общества: изучать историю элит, сравнивать себя с другими, чтобы понимать соответствие уровня элит ситуации и потенциал их изменения, стремиться к формированию согласованно сплоченных элит.

Мы видим, что Г. Олмонд не полностью отрицает в споре с оппонентами значимость рационалистически-активистской модели и проекта демократии, а считает, что он не может осуществиться в условиях недоверия, раскола, сознательного вовлечения масс в конфронтацию. Он защищает свою модель – первенства перспектив стабильной демократии, признания смешанных политических культур и баланса неравенств, что особо важно для России, где рационально-активистская модель гражданской культуры превратилась в популистски-активистскую модель.

С. Верба в заключительной статье так же спокойно реагирует на критику, признает часть критики, объясняя ее тем, что *политологи ушли от изучения гражданской культуры в массовом обществе, которому был адресован их анализ, увлеклись событиями текущей политики и анализом принятия решений и бюрократическими процедурами*, но также настаивает на значимости своей теории. Оба автора теории гражданской культуры приняли часть критических замечаний в свой адрес по вопросам эмпирических исследований, методологии, даже с большим вниманием и большой терпимостью приняли их. В развитых странах уже сформировались меха-

низмы стабилизации демократии, социальные программы и проекты, которые вносят много нового в их концепцию³⁴.

Соглашаясь во многом со своими критиками, Олмонд и Верба принципиально не согласились с одним – их концепция гражданской политической культуры в массовом обществе имеет принципиальное значение для стран, строящих демократию.

Приведенная теория демократии и гражданского общества не нова. Это уже классическая теория. Но в России она мало известна даже в среде профессиональных политологов и не применяется на практике. Она полностью вытеснена даже не рационалистически-активистской, а популистски-активистской моделью гражданской культуры и гражданского общества, выгодной рвущимся к власти группам и лидерам. *Поэтому мы и помещаем ее в разряд новых (для России) теорий, способной стать основой проекта гражданской культуры и гражданского общества.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ворожейкина Т.* Самозащита как первый шаг к солидарности // Pro et Contra. Март – июнь. – № 2-3 (4). – 2008.
2. *Федотова В.Г.* Хорошее общество. – М., 2005.
3. *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. – М., 2008
4. *Федотова В.Г.* Конец догоняющей модели модернизации и поиски новых путей развития // Экономические стратегии. – 2012. – № 5.
5. *Хабермас Ю.* Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. – 1992. – № 4.
6. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». – М., 2007.
7. *Almond G.A., Verba S.* *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations.* – Newbury Park, L., New Delhi, 1963.
8. *Almond G.A.* The Intellectual History of the Civic Culture Concept // *The Civic Culture Revisted.* Ed. by G.A. Almond, S. Verba. – N. Y., L., New Delhi, 1980. – P. 1-56 .
9. *The Civic Culture Revisted /* Ed. by G.A. Almond, S. Verba. – N.-Y., L., New Delhi, 1980.

³⁴ Ibid.